

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА ХЪЫСМÆТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ОСЕТИН

С.В. АГУЗАРОВА

Картина мира – понятие фундаментальное, выражающее специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования. Картина мира понимается многими современными учеными как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании носителей той или иной этнической культуры и являющийся результатом всей духовной активности человека. С одной стороны, картина мира воспринимается как совокупность объективных знаний человека об окружающей действительности, состоящая из жизненно важных для человека понятий (концептов); а с другой стороны – как картина, отображенная с помощью специальных языковых знаков, несущих информацию об объективной действительности; ее составляют семантические поля слов-концептов, образующих тезаурус как языка в целом, так и отдельной языковой личности. В языковой картине мира отражается возникновение и развитие культурных и моральных ценностей соответствующего этноса.

Говоря словами Е.С. Кубряковой, картина мира – это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединенная в

известную интегральную систему, – а это и можно считать моделью мира, или картиной мира, – организуется, прежде всего, в некую концептуальную систему. Субстрат такой системы – концепты, образы, представления...» [1, 48] Идея языковой картины мира состоит в том, что всякий мыслящий на национальном языке смотрит на мир «глазами» этого языка. Языковая картина мира определяется лексикой – самой подвижной частью национального языка, активно реагирующей на веяния времени: слова появляются и исчезают буквально на наших глазах. Слово, пропущенное через сознание человека, приобретает специфические черты, присущие данному национальному общественному сознанию, обусловленному культурой данного народа.

Ключевые слова фиксируют, творчески формируют и осмысляют базовые концепты миропредставлений человека (идеи, понятия), которые отличаются большей устойчивостью в человеческой культуре по сравнению с концептами другого ранга. Претерпевая известные семантические модификации, они остаются в языке даже в случае смены глобальных миропредставлений человека: ведь в языке, как в духовной памяти народа, запечатлены следы практически всех значимых, сменявших друг друга в истории, толкований мира

человеком: «Охраняя свои ключевые слова, язык тем самым как бы отмечает пункты наиболее напряженной активности человеческой мысли по выработке адекватного миропонимания. Ключевые слова в этом плане – это одновременно и русло, по которому привычно движется бессознательная активность всенародного сознания, и дискуссионное поле, творческая лаборатория по созиданию образа мира у человека» [2, 74].

Выход за пределы денотативного значения слова и широкое привлечение национально-культурных ассоциаций, присущих лексической единице в конкретной лингвокультурной среде, позволяет увидеть мир глазами носителя другого языка.

Каждый язык имеет свой способ концептуализации, свою особую картину мира и языковая личность организует содержание того или иного высказывания в соответствии с этой картиной, в чем и проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Однако следует отметить, что специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то отдельную, неповторимую картину мира, отличную от существующей реальности, а «специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [3, 66].

Идея национального своеобразия пронизывает все пласты культуры любого этноса и потому любые ее

проявления и, прежде всего, сам язык как составная и неотъемлемая часть духовной культуры имеют национальную специфику.

Концепт представляет собой многогранную системную сущность, каждый из признаков которой объективируется в языке посредством того или иного слова в зависимости от ситуации общения и коммуникативной установки сообщения.

В настоящее время неуклонно растет интерес к исследованиям лингвокультурологического характера и в частности – к исследованиям разнообразных концептов, так как их изучение позволяет выявить механизмы извлечения, хранения и передачи знаний посредством языка, выделить универсальное, общечеловеческое и этноспецифическое в мышлении, помогает установить особенности национальной картины мира.

Концепт *Судьба*, несомненно, может быть отнесен к тщательно оберегаемым культурой понятиям, ибо «в нем запечатлен опыт всенародного осмысления категорий свободы и необходимости применительно к человеческому бытию, попытка человеческого разума отыскать последние основания жизни – силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением» [4, 5].

Данный концепт представлен в разных культурах мифами, персонификациями, художественными образами, астрологической символикой, народными приметами, знаменами, а также богатыми семантическими полями во всех языках. Он является важным элементом языковых картин мира и служит ключом к пониманию поведения их носителей.

Семантическое поле концепта *Хъысмæт* (судьба) в осетинском язы-

ке сформировано следующими лингвистическими единицами, связанными между собой посредством их значений: *амонд*, *адзал*, *нив* (*нива*), *нысанæвард*, *ныхыфыст*, *ныхыздуар*, *хай*, *хал*, *хардз*.

Анализ контекстов позволил выделить основное значение, в котором выступает концепт *Хъысмæт* в народном сознании – это «жизненный путь человека как совокупность событий, predetermined высшей силой и происходящих помимо его воли»: *Хъысмæты цардвæндагæй иуварс ахизæн нæй*. – Нельзя свернуть с пути, предначертанного судьбой [5, 309].

В структурно-смысловом отношении понятие судьбы является двухполюсным: ее конечные точки – появление человека на свет и уход из мира. Между этими полюсами лежит жизненное пространство человека, иначе говоря, *поле его судьбы*. Именно в этом пространственно-временном поле, заключающем прошлое, настоящее и будущее каждого человека, возникают разные ситуации контакта с судьбой: *Дугæн йæ тæрхон уый у, æмæ адæймагæ лæвард ис царды мидæг æртæ стыр дзуаппы: иу дзуапп – куы райгуыры, уæд; дыккаг дзуапп – мой кæнын æмæ ус курын; æртыккаг та – йæ адзал*. – Временем человеку суждено в жизни держать три важных ответа: первый ответ – во время рождения; второй ответ – при замужестве или женитьбе; третий – в смертный час [6, 119].

После того, как Бог (*Хуыцау*) – в осетинской духовной культуре единственный и абсолютный вершитель и создатель всего на земле – сотворил мир и все живое и неживое в нем, он наделил все созданное им *амондом* – *счастьем, счастливой судьбой*:

Хуыцауæй йæ амонд фæци. – От бога досталась ему счастливая судьба [5, 308].

В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В.И. Абаева [7, 51] мы находим, что в основе лексемы *амонд* лежит *мон* – дух. Отсюда *монд* – сильное желание, соблазн. *Амонд* – это старая форма причастия прошедшего времени от глагола *амоннын* – показывать, которая переводится как «предуказанное, predetermined», «судьба». Очевидно, что наши предки понятия *счастье, судьба* неразрывно связывали с духовностью, а не с материальным благополучием: *Амонд хъæздыгдзинадæй нæу*. – Ни в деньгах счастье [5, 309].

Амонд может также указывать на некоторую случайность происходящего и в этом случае не мыслится как высшая сила, определяющая жизни людей по заранее ею начертанному плану, а оказывает влияние только на один эпизод жизни человека, не задавая очертания жизни в целом: *Изаæры фыййау æрцаудзæн, дуар куыддæр бакæна æмæ куы бакæса, уæд, уый сылгоймаджы арæх нæ уыны, æмæ чызджы куы фена, уæд уæ кæд амонд уа, уæд æм чызг куыддæр бахуда, афтæ уый фæуадзыг уыздæн*. – Вечером придет пастух, как только он откроет дверь и заглянет, а он не часто видит женщин, увидит девушку, и, если вам повезет, как только девушка ему улыбнется, он упадет в обморок [8, 167].

Синонимом слова *амонд* в дигорском диалекте осетинского языка выступает *нив* (*нива*) – счастье, доля, судьба: *æз дæ нивæ дæн* – я – твоя судьба (т.е. предназначена тебе) *Ма коргутти маруй æ лазæй, нæ дæддгæй мин ниви над*. – Он убивает по своей злой воле моих женихов, не давая мне дороги к счастью [9, 211].

На современном этапе развития языка в иронском диалекте *ныв* означает – рисунок, картина, портрет, образ, фотоснимок. Хотя это слово имело и значения *судьба, счастье, доля*, ныне ставшие архаичными, оно в таком контексте используется авторами и является понятным каждому: *Бира бад, чысыл бад – да нывай нукуыдам аирвæздзынае*. – Много ли будешь сидеть (в девах), мало ли – от своей судьбы никуда не уйдешь [9, 211]; *Мах кæрæдзийæн нывгонд стæм*. – Мы друг для друга предназначены судьбой.

Таково положение и слова *хардз* – ныне оно обозначает *расход, трата, издержки*, но у Е. Бритаева употребляется, как и *ныв*, в значении *доля, судьба*: *Лæгæн йæ хардз цы уа, уымæн ын тас нæу*. – Никуда не деться от того, что предназначено человеку судьбой [10, 142]; *Дæ халы цы схауа, уый – да хардз*. – Что выпадет тебе по жребью, то и есть твоя доля [11, 319].

Следующее слово лексико-семантического поля концепта *Судьба* – *хъысмæт*. Оно распространено в мусульманской среде, но проникло и в христианство в значении «неотвратимый рок, судьба». По В.И. Абаеву [9, 334], слово пришло в осетинский язык из арабского, после принятия частью осетин мусульманства, где оно также означало *доля, удел, судьба*. В современном осетинском языке оно имеет значения – *судьба, доля, участь, удел*: *Хъысмæт нæ бау кодта* – судьба нас свела. *Йæ хъысмæт афтæ уыд* – таков был его удел.

Лексема *хъысмæт* может употребляться как в значении «судьба отдельного человека», так и в значении «судьба людей, целого народа»: *Ирыстонь курдиатджын æмæ ахуыргонд минæвæрттæй йæ адæмы хъысмæтыл чи батыхст, уыдонæн сæ*

фыццаг уыд Къоста. – Коста – талантливый и образованный сын Осетии, одним из первых заговорил о судьбе своего народа [12, 115].

Хъысмæт выступает в значении «неблагоприятной, несчастливой судьбы», в то время как *амонд* чаще характеризует счастливую судьбу: *Уазал æмæ стонгæй мæлын – уый дын мæ хуыздæр хъысмæт... Мæ ног цæрæн бынат – бынтон æмбыд хæдзар*. – Умирать от холода и голода – вот вам моя лучшая доля. Мое новое жилище – совсем сгнивший дом [13, 118]; *Амондимæ цæрай, хорз бæлцион, да хорзæхæй, кæцæй фæдæ, кæнæ кæдæм цæуыс?* – Счастливой жизни тебе, добрый путник, откуда ты, куда путь держишь? [8, 413]

Следующее слово рассматриваемого синонимического ряда – *ныхыдзуар* – *судьба; счастье; предначертание, предназначение*. Буквальный его перевод – «крестик на лбу», указание на то, что ко времени появления человека на свет его судьба уже бывает предначертана: *Хæрзгæнагæн – хæрзныхыдзуар, фыдгæнагæн – фыдныхыдзуар*. – Творящему добро – счастливая судьба, творящему зло – несчастная судьба [11, 317]; *Ныхыдзуар алчи йæ мады гуыбынаей рахæссы*. – Свою судьбу каждый выносит из чрева матери [11, 317].

Ныхыфыст – «написанное на лбу» – предполагает, что человеческая жизнь заранее определена Богом, и каждое событие в ней имеет смысл; указывает на наличие некоторого замысла относительно всех вещей, согласно которому все имеет свою собственную, заранее определенную высшими силами функцию, которую нужно стараться выполнить. Проследживается идея невозможности повлиять на заранее определенный ход

событий, изменить предначертанный план: *Дæ ныхыфыст хорз куы фæуа, уæд тас ницæмæй у.* – Если тебе предначертана хорошая судьба, то бояться нечего [5, 313].

Лексема *нысанæвæрд* ближе всего по значению к понятию *ныхыфыст*. *Нысанæвæрд* (предназначение) имеет два корня: *нысан* – знак, метка, примета; то, что намечено, цель; проникло в осетинский язык из персидского *nisan* – знак, метка, отметка; *æвæрд / æвæрын* – класть, давать; *нысан кæнын / æвæрын* – отмечать, намечать [9, 209]; *Хъысмæт сæ сæ кæрæдзийæн снысан кодта* – судьба предназначила их друг другу.

Лексема *адзал* от арабского «ајал» – «срок, предел, смертный час». Перед нами еще один мусульманский термин, который проник во многие языки Кавказа вместе с исламом со значениями: *смертный час; рок; срок, предел* [7, 30]; *Адзалаен амал нæй; адзалаен мадзал нæй.* – Против смерти нет средства [5, 215].

И *хъысмæт*, и *адзал* предполагают, что происходящее не зависит от воли человека, но *адзал* при этом указывает на фатальный исход, абсолютную, неумолимую неизбежность. От *рока* не убежишь, не скроешься, его никак не изменишь, но вполне возможно уйти от *судьбы*, попытаться ее изменить: *Адзалаей лидзгæ нæу.* – От смерти не убежишь [5, 215].

На некоторую степень случайности в том, что обстоятельства сложились тем, а не иным образом, указывают лексемы *хай* и *хал*, создающие образ игры, где человеку случайным образом попадаете та или иная доля. *Хай* и *хал* обычно заранее неизвестны (хотя уготованы, предрешены они могут быть и заранее) и, кроме того, они могут быть как счастливыми, так и несчастными.

Обозначение судьбы как *участи, удела, доли* связано с представлением о том, что человек получает ее в результате решения высшей силы. Идея распределения связывает судьбу с делением на части, отсюда и ее обозначение как *участи, удела, доли*.

Хай – часть, доля: *Мæ хайыл нæ кæуын, фæлæ ме'гадыл кауын.* – Не над долей своей плачу, а над позором [5, 284]. Осетины в своих благопожеланиях и проклятиях часто употребляют слово *хай*: *Хорз амонд уæ хай, хорз чызджытæ.* – Пусть доброе счастье будет вашей долей, славные девушки [7, 51]; *Дæ сьджыты хай дыл фæрайæд.* – Да возрадуешься своей доле земли [5, 284]. (В давние времена, если один человек убивал другого и не засыпал труп глиной, то его не хоронили, говоря: да возрадуешься доле земли своей).

Характерны словосочетания *мады хай* (доля матери), *хуры хай* (доля солнца), *хуыцауы хай* (доля бога), означающие просто «мать», «солнце», «бог», но с оттенком особой близости, нежности. Каждый человек имеет своего *ангела-хранителя* – *зæды хай*. Нередко, проклиная человека, желают зла его ангелу: *дæ зæды хай фесæфæд* – да пропадет твой ангел-хранитель (доля твоего ангела).

Хал – жребий, доля, участь. *Дæ авд æвсымæры хал ахæрай.* – Чтоб тебя постигла участь твоих семи братьев [14, 123]; *Чызгæн йæ хал ысхаудта, æмæ йæ расæй-кодтой, хъуамæ йæ калм бахæра.* – Девушке выпал жребий, и ее повели, чтобы ее съел дракон [14, 148].

Слова, вербализующие концепт *Хъысмæт* в осетинском языке, можно разделить между собой по нескольким семантическим признакам:

1) то, на что в первую очередь указывает слово:

– на высшую силу, распоряжающуюся жизнями людей (*ныхыдзуар, адзал*);

– на форму, которую их жизни принимают в результате деятельности высших сил (*хъысмæт, амонд, хай*);

– на определяющую события волю высшей силы (*ныхыфыст, хал*);

– на функцию, которую, согласно воле высших сил, человек должен выполнить в своей жизни (*нысанæвæрд*);

2) то, как оценивается высшая сила:

– как доброжелательная к человеку (*амонд, ныхыфыст*);

– как недоброжелательная (*адзал, хъысмæт*);

– как способная нести и желательные, и нежелательные события (*хай, хал*);

3) то, насколько запланированы события, происходящие по воле высших сил:

– *ныхыфыст, ныхыдзуар, нысанæвæрд* предполагают заранее определенный план;

– *хай, хал* указывают на случайность происходящего;

– *хъысмæт, амонд* акцентируют внимание на конечном результате деятельности высших сил – на том, как сложилась жизнь в целом;

4) то, насколько контролируемы события со стороны человека:

– *нысанæвæрд* (предназначение) может быть выполнено или не выполнено человеком;

– на *ныхыфыст* (предопределение) и *ныхыдзуар* (предначертание) повлиять невозможно;

– *адзал* (рок, смертный час) изменить нельзя;

– на *хай* (долю, участь) и, особенно, на *хъысмæт* и *амонд* (судьбу) по-

влиять можно, хотя чаще их нужно принять, им следует покориться.

Судьба, таким образом, воспринимается как категория традиционной культуры, «отражающая представления о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей» [15, 97]. В традиционной культуре осетин такой «силой» обладает *Хуыцаутты Хуыцау* – Творец, податель судьбы, покровитель. Он предстает как милостивое и деятельное существо, пребывающее где-то на небесах и управляющее миром. Идея единого бога вошла в духовный мир алан вместе с христианством. Главной его функцией является функция *наделения*. К нему обращены разные просьбы человека, чаще всего о наделении и избавлении от неприятного или опасного. На него полагаются и испытывают к нему чувство страха. Для осетин *Хуыцау* (Бог) – доброе, справедливое начало, защитник и помощник, судья: *Хъысмæты тæрхон – Хуыцауы тæрхон*. – Приговор судьбы – это приговор Всевышнего [5, 314]. Осетины полностью отдают себя власти *Хуыцау*, так как верят: все, что делает Бог, все, что посылает людям – все благо, и все должны с благодарностью принимать это: *Хуыцау лæгæн цы саккаг кæна, уый хорз у*. – Что Бог человеку пошлет, то и хорошо [5, 314].

Концепт *Хъысмæт* в осетинском языковом представлении о мире указывает на непредсказуемость будущего, неспособность человека контролировать свою жизнь: *Адæймагæн йæ хъысмæт цы скæрда, уымай ирвæзгæнæу*. – Что судьба предопределит человеку, того не избежать [5, 314]. Но в современном обществе в него вкладываются как традиционные понятия, так и составляющие, обусловленные современными реалиями. Люди начи-

нают осознавать, что одними молитвами не улучшить своего положения, нужны конкретные действия: *Амонд æмæ хъысмæтыл æууæнд, фæлæ сын улы хъаруйæ хъауы æххуыс кæнын.* – На судьбу полагайся, но помогай ей душевными силами [11, 299].

Часто прослеживается мысль, что ждать милостей от Бога не следует, что нужно самим устраивать, планировать свою судьбу, что в дальнейшем будет способствовать благополучной, счастливой жизни: *Амонд аразæг лæг*

йæхæдæг дæр у. – Человек сам строит свое счастье [5, 309].

Итак, мы видим, что судьба для осетин – это символ всего, что происходит с ними в жизни помимо их воли. С одной стороны, люди полностью полагаются на Всевышнего и смиренно принимают ту судьбу, которую он им посылает, а с другой – они начинают верить в самих себя, в свои силы, понимая, что имеют возможность переделать свою судьбу, повлиять на ход жизненных событий.

1. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Докл. VI междунар. конф. М., 1998. Т. 1.
2. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1998.
4. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000.
5. Ирон сэмбисæндтæ / Ёроембырд сæ кодта 'мæе чиныг сарсæзта Гуыт'иаты Хъ. Дзæуджык'æу, 1976.
6. Санаты Уари. Фыдæлты таурæгътæ. Орджоникидзе, 1984.
7. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.-М., 1958. Т. 1.
8. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. М., 1990. Кн. 1.
9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.-М., 1973. Т. 2.
10. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.-М., 1989. Т. 4.
11. Ирон диссæгтæ æмæ сэмбисæндтæ / Сарæзтой йæ Айларты И., Гæджына-ты Р., Кцойты Р. Дзæуджык'æу, 2006.
12. Ирон литературæ: Ахуыргæнаен чиныг-хрестомати 8-æм к'ъласæн / Чиныг сарсæзта Макоты З., Джыккайты Ш. Цхинвал, 2004.
13. Гæдиаты Секъа. Æвзæрст уацмыстæ. Цхинвал, 1979.
14. Ирон арг'æуттæ / Чиныг сарсæзта Джыккайты Ш. Дзæуджык'æу, 1983.
15. Пюрбеев Г.Ц. Концепт «судьба» в культуре монгольских народов // Тегин герл. 1998. № 6.